

УДК 347.440
ББК 67.404.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.427

Zakharkina Anna Vladimirovna,
Candidate of Law,
Senior Lecturer
of the Department of Civil Law,
Perm State University,
Perm,
e-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Захаркина Анна Владимировна,
канд. юрид. наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь,
e-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

*Статья подготовлена за счет средств гранта Президента Российской Федерации
для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6237.2018.6*

The article was supported by the grant of the RF Government for the state support of the young Russian scientists МК-6237.2018.6

СЛОЖНОЕ КОРПОРАТИВНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ОСНОВАНИЕМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВНЕШНЕГО КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ, И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

COMPLEX CORPORATE OBLIGATION AS A BASIS FOR EXTERNAL CORPORATE CONTROL, AND ITS IMPORTANCE FOR INCREASING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

В статье проведено комплексное научно-практическое исследование сложного корпоративного обязательства, являющегося основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, которое устанавливается в результате заключения договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами. Недостаточная изученность данной проблематики свидетельствует, что имеющиеся доктринальные представления нуждаются в теоретической ревизии, а названное сложное обязательственное правоотношение — в новом научном осмыслении. Обращается внимание на то, что термин «внешний контроль» принято выводить из ст. 67.3 ГК РФ, в которой называется три случая контроля над корпорацией: 1) преобладающее участие в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества; 2) наличие заключенного договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами; 3) наличие любой иной возможности определять решения, принимаемые хозяйственным товариществом или обществом. Автор настоящей статьи приходит к выводу о том, что внешний контроль над корпорацией — это основанная на корпоративной субординации возможность воздействия лица, не являющегося участником корпорации, на принятие стратегически значимых решений по управлению корпорацией, формирование финансово-хозяйственной политики корпорации на рынке, в результате реализации которой происходит ограничение или полное отрицание автономии воли корпорации при решении вопросов, входящих в сферу интереса контролирующего лица. Необходимость конвергенции правового регулирования российской и европейской правовых систем, потребность в формировании правового режима ответственности участников юридических лиц за неправомерные действия в отношении

корпораций, значимость введения в отечественный гражданский оборот аналога доктрины «снятия корпоративной вуали» требуют легитимации внешнего корпоративного контроля через его легальную дефиницию.

The article presents a comprehensive scientific and practical study of a complex corporate obligation, which is the basis for the emergence of external corporate control, which is established as a result of the conclusion of an agreement between the controlling and controlled economic partnerships or companies. Insufficient study of this problem shows that the existing doctrinal ideas need a theoretical revision, and called a complex legal relationship, — a new scientific understanding. Attention is drawn to the fact that the term “external control” is derived from Art. 67.3 of the civil code, which refers to three cases of control over the Corporation: 1) the predominant participation in the authorized capital of a business partnership or company; 2) the presence of a contract between the controlling and controlled business partnerships or companies; 3) the presence of any other possibility to determine the decisions taken by a business partnership or a company. The author of this article comes to conclusion that the external control over the Corporation is a possibility of influence of a person who is not a participant of the Corporation on making strategically important decisions of the Corporation management, the formation of financial and economic policy of the Corporation at the market, as a result of implementation of the will of the Corporation in solving issues within the sphere of interest of the controlling person. The need for convergence of legal regulation of the Russian and European legal systems, the need for the formation of a legal regime of liability of participants of legal entities for unlawful acts against corporations, the importance of introduction into the domestic civil turnover of the doctrine of “removal of the corporate veil” require the legitimation of external corporate control through its legal definition.

Ключевые слова: сложные обязательства, обязательственное право, корпоративное обязательство, корпоративный контроль, корпорации, внешние корпоративные правоотношения, корпоративное управление, гражданско-правовой договор, реформа гражданского законодательства, гражданское право Российской Федерации, инвестиционная привлекательность российской правовой системы.

Keywords: complex obligations, law of obligations, corporate obligation, corporate control, corporations, external corporate relations, corporate governance, civil contract, civil law reform, civil law of the Russian Federation, investment attractiveness of the Russian legal system.

Введение

Корпоративное право всех развитых современных зарубежных правовых порядков представляет собой совокупность внутрикорпоративных и внешних корпоративных правоотношений, последние из которых представляют собой общественные отношения с участием разнообразных неправосубъектных объединений договорного типа, таких как концерны (Konzernrecht), группы компаний (groups of companies), холдинги и т. д.

Актуальность темы исследования обусловлена избранной тематикой, предполагающей формирование единого комплексного подхода к пониманию сущности внешнего корпоративного контроля, который возникает в результате установления сложного обязательства, основанного на гражданско-правовом договоре, заключенном между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами.

Изученность проблемы. Доктринальный аспект рассматриваемой темы обусловлен отсутствием в науке целостного представления о сложном корпоративном обязательстве, являющемся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля. Представители цивилистической науки не уделяют достаточного внимания этому сложному обязательству как самостоятельному объекту исследования. Доктринальная продуктивность будет способствовать не только законодательной полноте в урегулировании обязательственных отношений, но и решению серьезных затруднений правореализационного плана.

Целесообразность разработки темы объясняется отсутствием должного нормативного регулирования внешнего корпоративного контроля. Системное толкование норм проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Проект) [1] позволяет заключить, что законодатель находит необходимым ликвидировать имеющийся в современном отечественном гражданском законодательстве явный пробел относительно правовой регламентации внешнего контроля над корпорацией через установление правового статуса лиц, контролирующих юридическое лицо. Однако по состоянию на сегодняшний день проект федерального закона в этой части так и не принят.

Научная новизна исследования заключается в выводах, сформулированных автором: необходимость конвергенции правового регулирования российской и европейской правовых систем, потребность в формировании правового режима ответственности участников юридических

лиц за неправомерные действия в отношении корпораций, значимость введения в отечественный гражданский оборот аналога доктрины «снятия корпоративной вуали» требуют легитимации внешнего корпоративного контроля через его легальную дефиницию.

Цель данной статьи — осуществить комплексное научно-практическое исследование сложного корпоративного обязательства, являющегося основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, которое устанавливается в результате заключения договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами.

Задачи исследования: изучить сущность неправосубъектных объединений; определить характерные черты внешнего корпоративного контроля; предложить дефиницию понятию «внешний корпоративный контроль»; выявить основные «маркеры» внешнего корпоративного контроля.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что доказаны положения, в совокупности формирующие целостное представление о сложном обязательстве, являющемся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, и дополняющие и развивающие такие разделы науки гражданского права, как обязательственное право, принципы исполнения обязательств, создавая тот доктринальный задел, который впоследствии способен обеспечить обоснованные законодательные изменения и дополнения; применительно к проблематике научной статьи результативно использован комплекс универсальных (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, структурно-функциональный, формально-логический, системно-структурный) и специально-юридических методов исследования (метод системного толкования, метод правового моделирования). Приведены примеры применения судами правил, регулирующих внешний корпоративный контроль, а также возникающих в связи с этим теоретических и правоприменительных вопросов, что подтверждает правоприменительное значение научной статьи и обуславливает актуальность дальнейших научных исследований предложенной проблематики.

Основная часть

Сущностной особенностью неправосубъектных объединений выступает то обстоятельство, что лица, их составляющие, де-юре выступают в гражданском обороте в качестве самостоятельных участников, характеризующихся автономией воли, однако де-факто находятся под корпоративным контролем других субъектов. По верному замечанию Е. А. Суханова, «сейчас практически невозможно найти относительно крупного товаропроизводителя, который не был бы тесно связан с рядом других юридически самостоятельных организаций теми или иными отношениями «участия в капитале», т. е. рамками концерна» [2, с. 284].

Как справедливо отмечает О. А. Макарова, внутренние управленческие отношения сводятся к управленческой деятельности органов корпорации, а внешние предполагают взаимодействие органов корпорации с иными заинтересованными лицами, целью которого является установление баланса различных интересов, обеспечиваемого прежде всего законодательством [3, с. 13]. Руководствуясь подобной классификацией корпоративных правоотношений, А. А. Валеева предлагает дифференцировать внутренний и внешний корпоративный контроль [4, с. 41].

При этом характерной чертой внешнего корпоративного контроля следует признать утрату корпорацией определенной степени самостоятельности в принятии управленческих решений. Так, Д. В. Ломакин верно отмечает, что квалификация самостоятельности юридического лица может быть неодинаковой [5, с. 67]. Полагаем, что внешние управленческие отношения, построенные на корпоративном контроле, приводят к ограничению или полному отрицанию автономии воли подконтрольной организации при решении вопросов, входящих в сферу интереса лица, контролирующего организацию. В данном случае есть достаточные основания для квалификации подобного воздействия корпоративного контроля на автономию воли подконтрольной корпорации в качестве частного принуждения, нередко именуемого в науке корпоративного права «корпоративной субординацией». Однако присутствие в такого рода правоотношениях элементов принуждения не влияет на их частноправовой характер и не отвергает их гражданско-правовую регламентацию, поскольку субординация, основанная на внешнем корпоративном контроле, построена на началах добровольного самоограничения подконтрольного субъекта путем установления определенных пределов вмешательства контролирующего лица.

Такой контроль над корпорацией, будучи частным проявлением добровольного ограничения автономии воли подконтрольной корпорации, детерминирован интересами лица, его осуществляющего. Объективация такого контроля осуществляется в результате принятия корпоративных решений, совершения иных корпоративных действий подконтрольным лицом, находящимся под «корпоративной властью» контролирующего субъекта.

Однако необходимо отметить несколько замечаний относительно термина «внешний корпоративный контроль». Исследователи «выводят» его из ст. 67.3 ГК РФ, в которой называется три случая контроля над корпорацией: 1) преобладающее участие в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества; 2) наличие заключенного договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами; 3) наличие любой иной возможности определять решения, принимаемые хозяйственным товариществом или обществом.

Необходимо иметь в виду, что преобладающее участие в уставном капитале свидетельствует о наличии внутреннего корпоративного контроля, это контроль члена корпорации.

Сложное корпоративное обязательство, являющееся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, устанавливается в результате заключения договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами. Так, ООО «Продо» на момент совершения оспариваемых договоров поручительства являлось акционером ОАО «Птицефабрика Калужская» и владело 20 % акций этого общества. Между компанией Shaw Invest & Finance Corp. (продавец) и ООО «Продо» (покупатель) заключен договор предоставления опциона на право выкупа доли в размере 0,5 % в уставном капитале ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани». Также между компанией Carroll Trading S.A. (продавец) и ООО «ПРОДО» (покупатель) 20.12.2006 заключен договор предоставления опциона на право выкупа доли в размере 99,5 % в уставном капитале ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани».

Договорами опциона предусмотрено, что с момента их подписания продавцы обязались согласовывать свои действия с покупателем в следующих случаях: при осуществ-

лении действий по управлению ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани», в том числе по расходованию денежных средств; при осуществлении действий, влияющих на финансово-хозяйственную деятельность ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани» и при осуществлении действий, влияющих на финансовую и (или) хозяйственную политику ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани». Таким образом, поскольку ООО «ПРОДО» с даты заключения указанных договоров опциона являлось одновременно и лицом, имеющим право давать обязательные для выгодоприобретателя по сделке (ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани») указания, и лицом, которое владело более 20 % акций стороны по договору поручительства (ОАО «Птицефабрика Калужская»), суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что договоры поручительства являлись сделками с заинтересованностью [6].

Весьма примечательно, что в Проекте содержится предложение о введении ст. 53.3 ГК РФ, регламентирующей «лиц, контролирующих юридическое лицо». Так, под такими лицами предлагается понимать лиц, прямо или косвенно (через третьих лиц), самостоятельно или совместно со своими связанными (аффилированными) лицами имеющих возможность определять действия (решения) другого (подконтрольного) юридического лица.

При этом указанный Проект содержит презумпцию статуса «контролирующего лица» в отношении следующих квалифицирующих факторов: если не доказано иное, лицо считается контролирующим юридическое лицо в силу прямого или косвенного преобладающего участия в его уставном капитале; на основании договора; в силу возможности давать обязательные для такого юридического лица указания; в силу возможности определять избрание (назначение) единоличного исполнительного органа (управляющей организации или управляющего) и (или) более половины состава коллегиального органа управления такого юридического лица.

Полагаем, что системное толкование проектируемых норм позволяет заключить, что законодатель находит необходимым ликвидировать имеющийся в современном отечественном гражданском законодательстве явный пробел относительно правовой регламентации внешнего контроля над корпорацией через установление правового статуса лиц, контролирующих юридическое лицо. Однако по состоянию на сегодняшний день Проект федерального закона в этой части так и не был принят.

По этому поводу В. В. Витрянский писал следующее: «В окончательный текст новых законоположений о юридических лицах, внесенных в гл. 4 ГК РФ, не попали и нормы, определяющие круг лиц, контролирующих юридическое лицо, и устанавливающие их ответственность (ст. 53.3 и 53.4 в редакции законопроекта), хотя и они были предметом оживленных дискуссий, которые потребовали значительных затрат времени и сил» [7, с. 32].

С. Д. Могилевский считает, что причиной указанному обстоятельству послужило отсутствие легитимации самого института корпоративного контроля, прогрессивный характер которого был несомненен [8, с. 17]. В свою очередь, Е. А. Аристова связывает такое решение законодателя с недовольством крупных предпринимателей предлагаемыми новеллами [9, с. 199].

Стоит поддержать А. В. Габова в том, что, несмотря на прогрессивность и востребованность норм о лицах, контролирующих юридическое лицо, остается нерешенным вопрос, а надо ли тогда вносить отдельное определение

аффилированности, если это понятие по существу сходно с понятием контроля [10, с. 75]? В этом смысле мы разделяем позицию Е. А. Суханова, который указал на «невозможность и нецелесообразность создания как специального гражданско-правового понятия аффилированности, так и единого понятия аффилированности, общего для всего действующего законодательства — от налогового до антимонопольного» [11, с. 252].

Отметим, что в Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» обращалось специальное внимание на то, что установление правового статуса лиц, контролируемых юридическое лицо, а также их ответственности есть «следование общеевропейским тенденциям развития законодательства о статусе юридических лиц» [12], что еще раз подчеркивает важность предлагаемых новелл.

Большое теоретическое и практическое значение имеет установление перечня критериев, позволяющих установить наличие либо отсутствие внешнего корпоративного контроля. Так, судебной арбитражной практикой былработан подход, согласно которому взаимоотношения двух хозяйственных обществ могут рассматриваться как взаимоотношения основного и дочернего общества, в том числе применительно к отдельной конкретной сделке, в случаях, когда основное общество (товарищество) имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом, либо давать обязательные для него указания [13].

Сложность в квалификации подобных указаний в качестве признаков внешнего корпоративного контроля очевидна, поскольку остается неясным, на основании чего одно лицо вправе давать указания другому юридическому лицу, являются ли они для него обязательными, т. е. корреспондирует ли праву такого лица обязанность другого юридического лица исполнять эти указания? В юридической литературе обращается внимание на то, что «в США, чья правовая система одна из самых развитых в плане ответственности контролируемых лиц (главным образом в рамках доктрины «снятия корпоративной вуали»), указания не имеют самостоятельного значения» [14, с. 134].

Необходимость конвергенции правового регулирования российской и европейской правовых систем [15, с. 140],

потребность в формировании правового режима ответственности участников юридических лиц за неправомерные действия в отношении корпораций, значимость введения в отечественный гражданский оборот аналога доктрины «снятия корпоративной вуали» требуют легитимации внешнего корпоративного контроля через его легальную дефиницию.

Выводы

Внешний контроль над корпорацией — это основанная на корпоративной субординации возможность воздействия лица, не являющегося участником корпорации, на принятие стратегически значимых решений по управлению корпорацией, формирование финансово-хозяйственной политики корпорации на рынке, в результате реализации которой происходит ограничение или полное отрицание автономии воли корпорации при решении вопросов, входящих в сферу интереса контролирующего лица.

В качестве маркеров внешнего корпоративного контроля выступают, в частности, следующие факты: возможность определять решения, принимаемые подконтрольным лицом, либо давать обязательные для него указания; косвенное участие контролирующего лица в уставном капитале подконтрольного лица; органы корпоративного управления контролирующего и подконтрольного лиц представлены одними и теми же субъектами; главные руководящие должности в юридических лицах принадлежат одному и тому же лицу (лицам) или их близким родственникам (супругу, родителю, детям); хозяйственная деятельность подконтрольного лица полностью или преимущественно осуществляется за счет средств, предоставляемых контролирующим лицом; убытки подконтрольного лица, возникающие в результате осуществления им хозяйственной деятельности, полностью компенсируются контролирующим лицом; работы и услуги, необходимые для нормального функционирования подконтрольного лица и беспрепятственного осуществления им хозяйственной деятельности, оплачиваются контролирующим лицом; подконтрольное и контролирующее лица располагаются по одному и тому же адресу, состоят из одних и тех работников; прибыль, полученная в результате осуществления подконтрольным лицом хозяйственной деятельности, полностью или преимущественно распределяется в пользу контролирующего лица и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Суханов Е. А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 283–295.
3. Макарова О. А. Правовое обеспечение корпоративного управления в акционерных обществах с участием государства : автореферат ... д-ра юрид. наук. СПб., 2014. 40 с.
4. Валеева А. А. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. 2015. № 14. С. 39–46.
5. Ломакин Д. В. Очерки теории акционерного права и практика применения акционерного законодательства. М. : Статут, 2005. 221 с.
6. Постановление ФАС Центрального округа от 17 июля 2013 г. по делу № А23-1803/12 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. 431 с.
8. Могилевский С. Д., Егорова М. А. Правовые основания для развития положений о корпоративном контроле в гражданском законодательстве // Сборник научных статей III Международной науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 г., Москва) / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Л. В. Андреева и др. ; под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М. : Юстицинформ, 2016. 496 с.

9. Аристова Е. А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2014. 248 с.
10. Габов А. В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография / В. Р. Авхадеев, С. Б. Бальхаева, Ю. В. Боброва и др.; отв. ред. А. В. Габов. М. : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 320 с.
11. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. 456 с.
12. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01 июля 1996 г. (ред. от 24 марта 2016 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9. 1997. № 5.
14. Захаров А. Н. Проблемы применения «иных» оснований корпоративного контроля // Закон. 2015. № 4. С. 133–142.
15. Дьяченко Е. Б. Контроль за корпорациями: доктрина и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 148 с.

REFERENCES

1. Draft Federal law No. 47538-6 “On amendments to parts one, two, three and four of the Civil code of the Russian Federation, as well as to certain legislative acts of the Russian Federation” // ATP “ConsultantPlus”. (In Russ.).
2. Sukhanov E. A. About legal status of corporations in modern foreign literature // Bulletin of Civil Law. 2017. No.4. Pp. 283–295. (In Russ.).
3. Makarova O. A. Legal support of corporate governance in joint-stock companies with the participation of the state : abstract of dissertation of the doctor of law. SPb., 2014. 40 p. (In Russ.).
4. Valeeva A. A. On the issue of corporate control and its restoration // Lawyer. 2015. No.14. Pp. 39–46. (In Russ.).
5. Lomakin D. V. Essays on the theory of stock law and practice of application of stock legislation. M.: Statut, 2005. 221 p. (In Russ.).
6. Resolution of FAS of the Central district of July 17, 2013 for case no. A23-1803/12 // ATP “ConsultantPlus”. (In Russ.).
7. Vitryanskii V. V. Reform of the Russian civil legislation: interim results. M.: Statute, 2016. 431 p. (In Russ.).
8. Mogilevskii S. D., Egorova M. A. Legal basis for the development of regulations on corporate governance in civil law // The Collection of scientific papers III International scientific-practical conference “Actual problems of business law and corporate law in Russia and abroad” (April 25, 2016, Moscow, Russia) / E. A. Abrosimov, V. K. Andreev, L. V. Andreeva et al.; under the general editorship of S. D. Mogilevskii, M. A. Egorova. M.: Yustitsinform, 2016. 496 p. (In Russ.).
9. Aristova E. A. Responsibility of cross-border corporate groups: theory and practice. M.: Infotropic Media, 2014. 248 p. (In Russ.).
10. Gabov A. V. Problems of determining the relations of affiliation // State and business in the system of legal coordinates / V. R. Avkhadeev, S. B. Balkhaeva, Yu. V. Bobrova, et al.; edited by A. V. Gabov. M.: SISP, INFRA-M, 2014. 320 p. (In Russ.).
11. Sukhanov E. A. Comparative corporate law. M.: Statut, 2014. 456 p. (In Russ.).
12. The explanatory note “To the Federal law draft “on modification of parts one, second, third and fourth of the Civil code of the Russian Federation, and also in separate legal acts of the Russian Federation” // ATP “ConsultantPlus”. (In Russ.).
13. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6 of the Plenum of the Russian Federation No. 8 from 01 July 1996 (as amended on March 24, 2016) “About some questions connected with application of the Civil code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court. 1996. No.9; 1997. No.5. (In Russ.).
14. Zakharov A. N. Problems of application of “other” grounds of corporate control // Law. 2015. No. 4. Pp. 133–142. (In Russ.).
15. Dyachenko E. B. The Control of corporations: the doctrine and practice. M.: Infotropic Media, 2013. 148 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Захаркина А. В. Сложное корпоративное обязательство, являющееся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, и его значение для повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 296–300. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.427.

For citation: Zakharkina A. V. Complex corporate obligation as a basis for external corporate control, and its importance for increasing the investment attractiveness of the russian legal system // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 296–300. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.427.